
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 235.3

А. Г. Мельник

Практики почитания «своих» святых в Спасо-Прилуцком монастыре в XV–XVI вв.

В работе установлены следующие практики почитания святых Димитрия Прилуцкого (в XV–XVI вв.) и Игнатия Прилуцкого (в XVI в.), могилы которых находятся в Спасо-Прилуцком монастыре: практика поклонения гробницам этих святых (далее – гробницы); практика припадания и прикладывания к гробницам; практика оформления гробниц покрывами; практика жертвования людьми подобных покровов; практика возжигания свечей у гробниц; практика установки близ гробниц икон с изображениями Бога, Богородицы и самих святых; практика жертвования богомольцами денег у гробниц; практика совершения молебнов по заказу богомольцев у гробниц; практика окропления освященной водой людей у гробницы св. Димитрия; практика целования его икон; практика почитания св. Димитрия как покровителя русских князей; практика почитания св. Димитрия как покровителя русского воинства; практика отправления двуединого культа святых Димитрия и Игнатия (далее – святых); практика почитания святых как целителей больных; практика почитания святых как покровителей Спасо-Прилуцкого монастыря; практика почитания святых как покровителей Вологды; практика почитания святых как покровителей всех людей России; практика почитания святых как покровителей московских государей; практика подачи более богатой, чем обычно, пищи для монахов Прилуцкого монастыря в праздники святых; практика размещения икон св. Димитрия в наибольшем числе храмов данного монастыря; практика написания по заказу монастыря многочисленных небольших икон св. Димитрия; практика распространения монастырем среди богомольцев этих икон. Описанные практики обозначают многие стороны повседневной религиозной жизни в указанном монастыре.

Ключевые слова: XV–XVI вв., Россия, святой Димитрий Прилуцкий, святой Игнатий Прилуцкий, Спасо-Прилуцкий монастырь, почитание русских святых.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

А. G. Melnik

Practices of Worshipping «Own» Saints in the Spaso-Prilutsky Monastery in the XV–XVI centuries

In this work were determined the following practices of worshipping saints Demetrios of Prilutsky (in the XV–XVI centuries) and Ignatius Prilutsky (XVI century), whose tombs are in the Spaso-Prilutsky monastery. It is a practice of worshipping the tombs of these saints (hereinafter – the tombs); a practice of crouching and application to tombs; a practice of decoration of the tombs with pall; a practice of sacrificing such palls by people; a practice of lighting candles on tombs; a practice of installation of icons with images of God, Mother of God and Saints themselves close to tombs; a practice of sacrificing money by pilgrims near the tombs; a practice of prayers by the pilgrims' request near the tombs; a practice of Holy water perfusion of people near the tomb of St. Demetrios; a practice to buss the icons; a practice of veneration of St. Demetrios as the patron of Russian princes; a practice of veneration of St. Demetrios as a patron of the Russian army; the practice of performance of dual cult of saints Demetrios and Ignatius (hereinafter saints); a practice of veneration of the saints as healers of the sick; a practice of veneration of saints as patrons of the Spaso-Prilutsky Monastery, a practice of veneration of saints as patrons of Vologda; a practice of veneration of saints as patrons of all people in Russia; a practice of veneration of saints as patrons of Moscow rulers; a practice of supplying more rich than usual food for the monks of the Prilutsky Monastery in the feasts of the saints; a practice of placing icons of St. Demetrios in the most temples of the monastery; a practice of writing many small icons of St. Demetrios by the monastery order; a practice of spreading these icons among the faithful by the monastery. The described practices represent many aspects of daily religious life in the given monastery.

Keywords: 15th–16th century, Russia, St. Demetrios Prilutsky, St. Ignatius Prilutsky, the Spaso-Prilutsky Monastery, veneration of Russian saints.

В Спасо-Прилуцком монастыре, расположенном близ Вологды, имеются захоронения двух подвижников благочестия – основателя этой оби-

тели преподобного Димитрия Прилуцкого и князя-инока преподобного Игнатия (в миру – Иван Андреевич), которого называют Прилуцким или

Вологодским, или Угличским. Последний был сыном угличского князя Андрея Васильевича. Для насельников данного монастыря оба указанных подвижника являлись в прошлом в полном смысле слова «своими» святыми.

Почитанию святых Димитрия и Игнатия уделялось внимание в литературе [15, с. 33–34; 1, с. 96–100]. Однако практики почитания первого из них в XV–XVI вв. и второго в XVI в. еще не стали предметом специального изучения. Для раскрытия предложенной темы необходимо обратиться к комплексному анализу различных источников, основными из которых являются жития и службы, посвященные названным святым, летописи, опись и приходо-расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря.

Сначала обратимся к культу преп. Димитрия. Согласно Житию, он умер около 6900 (1392) г. и был похоронен в церкви основанного им Спасо-Прилуцкого монастыря «близ олтаря на десней стране» [2, с. 255–256]. Выбор столь сакрально значимого места для захоронения игумена Димитрия косвенно свидетельствует, что культ этого подвижника стал формироваться сразу после его смерти.

Житие святого, по одной из версий, возникло около середины XV в. [6, с. 189, 270], по другой, – до 1450 г. [2, с. 252], по третьей, – во второй половине названного столетия [16, с. 26–27]. Служба Димитрию Прилуцкому датируется XV в. [15, с. 33]

В рассказах Жития о посмертных чудесах (далее – чудеса) многократно фигурирует «гроб» св. Димитрия. Из контекста житийного повествования явствует, что это слово обозначало некое надгробие, возвышавшееся над местом захоронения преподобного, мощи которого находились под спудом, то есть в земле. В одном из чудес, датирующемся по летописям 1448 или 1450 г. [2, с. 252], рассказывается, как некий воин «с неверием прихватился ко гробу преподобного, и ко одеянию тому святому, еже им одеян гроб» [2, с. 256]. Значит, тогда в Спасо-Прилуцком монастыре существовала практика украшать надгробие св. Димитрия неким одеянием, то есть покровом. В чудесах многократно описано поклонение людей упомянутому «гробу», они припадали к нему и получали исцеления от различных болезней [2, с. 256, 257, 258; 18, с. 35–39].

Таким образом, по крайней мере во второй половине XV в. существовали все важнейшие атрибуты развитого культа преподобного: почитание его могилы, Житие, служба и икона.

Рассказами о чудесах зафиксированы также две практики использования освященной или святой воды в сочетании с культом преп. Димитрия. Одна из практик заключалась в том, что люди приходили в монастырский собор, припадали к находившемуся в нем надгробию святого и каким-то образом контактировали с водой, освященной в этом храме. Следуя другой практике, человек шел на реку (она, как и ныне, находилась рядом с монастырем) и погружался в ее только что освященную воду [2, с. 256, 258].

В одном из чудес, записанных, вероятно в XV в., рассказано, как больная женщина положила «сребреницу», то есть серебряную монету [17, с. 128], на гроб св. Димитрия и получила исцеление [18, с. 35–36]. Ниже мы увидим, что жертвование денег у гробницы преподобного являлось обычной практикой в XVI в.

В похвальных словах, которыми заканчиваются некоторые списки Жития, преп. Димитрий уподоблен великомученику Димитрию Солунскому. Как этот прославленный общехристианский святой свой город (очевидно, Солунь) от «поганных» освободил, так и Димитрий Прилуцкий «свой» город (надо думать, Вологду) от междоусобной рати избавил [18, с. 40–41]. В одном из чудес действительно описано, как св. Димитрий защитил Вологду от нападения враждебного войска князя Дмитрия Шемяки. В другом чуде тот же подвижник представлен помощником русских воинов, воевавших против татар под Казанью [18, с. 36–37, 38].

В службе Димитрию Прилуцкому всячески акцентируется внимание на многочисленных чудесах исцелений, даруемых преподобным тем, кто с верою припадает к его гробу, и более конкретно обозначена практика использования святой воды. Ею окропляли людей у этого гроба [12, л. 99–99 об., 103 об.].

В службе в этикетной форме, конечно, обозначено то, как поклонялись или следовало поклоняться гробнице и иконе св. Димитрия в Прилуцком монастыре: «Радуися и веселися, роуская всесвященная церкви Божия, съ священными же и со князьми благочестивыми, иноки ж и простыя блаженнаго Дмитрея днесь память почитающе, духовне шедшесе празднуемъ и честный его гробъ обьстояще, любезно поклоняющесе, молимся, ркоуще: радуися преподобне Дмитрее, светилниче пресветлыи, врачу болящим, молитвениче къ Спасоу Богу нашему о иже верою и любовию притекающих к тебе спа-

стися душамъ нашим» [12, л. 103] и «образъ подобия твоего любезно целующе» [12, л. 100].

Следовательно, Димитрий Прилуцкий для людей XV в. представлял достойным всяческого поклонения значительным и могущественным святым, целителем от различных болезней, защитником своего города Вологды, помощником русского воинства в борьбе с внешними врагами, покровителем всех поклоняющихся ему людей, русских князей и русской церкви. В службе, составленной, вероятно, еще до образования единого Русского государства, нет прямых указаний на покровительство, оказываемое св. Димитрием московским государям. Однако в реальной практике московские правители XVI в. почитали его как своего небесного заступника. Об этом свидетельствует то, что они жертвовали на гробницу преп. Димитрия покровы [7, с. 32]. О богомольном посещении Спасо-Прилуцкого монастыря в 1545 г. Иваном IV известно из летописей [8, с. 147; 10, с. 465]. В 1563 г. тот же царь упомянул Димитрия Прилуцкого среди святых, помогших ему завоевать Полоцк [11, с. 360, 361].

По всей видимости, описанные выше практики почитания преп. Димитрия, сложившиеся в XV в., продолжали употребляться и в XVI столетии.

Князь Игнатий умер в 1522, или 1523, или 1525 г., будучи в заточении в Спасо-Прилуцком монастыре [3, с. 228; 5, с. 70]. Житие преподобного было составлено около середины XVI в. [6, с. 271] Согласно этому произведению, святого похоронили «у всемилостиваго Спаса в Дмитриеве монастыре, подъ алтаремъ, с Димитриемъ чудотворцемъ ровно», то есть в подклете собора Происхождения Честных Древ Креста Господня Спасо-Прилуцкого монастыря, рядом с местом упокоения преп. Димитрия [3, с. 224–225]. Здесь необходимо пояснить, что если в первоначальном одноэтажном монастырском соборе могила св. Димитрия, как мы помним, находилась в пространстве для молящихся собственно храма, то ко времени смерти преп. Игнатия собор был перестроен, получив подклет, то есть стал двухэтажным. В результате могила св. Димитрия оказалась в первом этаже собора – подклете, как и появившаяся позже могила св. Игнатия. Сменивший этот деревянный храм новый каменный собор (1537–1542) также имеет подклет, в котором до настоящего времени находятся могилы преподобных Димитрия и Игнатия.

Данный исключительно значимый выбор места для захоронения второго из них явно свиде-

тельствует, что в монастыре решено было установить почитание Игнатия сразу после его смерти. В некоторых рассказах Жития о посмертных чудесах преподобного важное место занимает его «гроб», под которым следует понимать намогильное надгробие [3, с. 225, 226, 227]. В одном из чудес отмечена плащаница, находившаяся на «гробе» [3, с. 227]. Так иногда называли покровы, возлагавшиеся на раки святых.

Значит, как в случае с культом св. Димитрия, надгробие с покровом представляло визуальной репрезентацией почитания преп. Игнатия. Согласно Житию, этот гроб являлся объектом поклонения, богомольцы припадали и прикладывались к нему, касались его, терли плащаницей больные десны [3, с. 225, 226, 227].

Упомянутые рассказы о посмертных чудесах свидетельствуют, что Игнатия почитали в первую очередь как целителя недужных [3, с. 225–228]. Его молили также о спасении «отъ варварскихъ находений иноплеменникъ» [3, с. 226]. Характерно, что в описаниях пятого и шестого чудес исцеление совершает не один Игнатий, а – совместно с преп. Димитрием, и хвала за эти исцеления возносится обоим названным святым [3, с. 226–227]. Так в представлении людей XVI в. культы преподобных Игнатия и Димитрия сблизились, образовав некий двуединый культ, а подвижники составили святую двоицу Прилуцкого монастыря. Особенно определенно это выражено в описании шестого чуда, согласно которому, оба святых явились во сне исцеляемой женщине – и их приходу предшествовал «глас глаголющъ: «Чудотворцы идутъ» [3, с. 227].

В службе Игнатию, датирующейся XVI в. [1, с. 98], в согласии с Житием подвижника сообщается, что его рака источает исцеления приходящим к ней [14, л. 40, 43, 43 об., 44 об., 45 об., 51–51 об.]. Обозначен также и характер поклонения упомянутой раке: «И ныне, съшедшеся в память(и) твоей, честную твою и многоцелебную раку облобызаем, глаголюще: радуися, страсто-терпче Христовъ, темничнымъ озлоблением непобедимый, но присно победивый дьявола своим крепкимъ терпением» [14, л. 40 об. – 41].

Св. Игнатий в службе выступает заступником перед Богом за свой город Вологду, Прилуцкий монастырь, людей всей России и помощником ее государям [14, л. 42 об., 43, 46; 13, л. 168 об.]. В службе не менее определенно, чем в Житии, культ Игнатия сближен с культом св. Димитрия: «Потщися на молитву къ Христу, блаженне, с преподобным Димитрием, съмолебники приемъ

ангельския лики да отечество твое цело и невредимо съхранит и благочестиваго царя храбра и страшна всемъ врагамъ явить» [14, л. 56]. Вот это слово «смолебники» или сомолитвенники, обозначающее в данном случае святых, совместно молящихся Богу [9, с. 623] за людей, наиболее точно передает суть двуединого культа Димитрия и Игнатия.

Таким образом, по версии службы, св. Игнатий являлся целителем недужных, защитником от врагов своего монастыря, близлежащего города Вологды, людей всей России, покровителем московских государей и смолебником св. Димитрия.

Характерным выражением почитания святых являлись практики репрезентации их культов. В чем они выражались, помогает представить опись Спасо-Прилуцкого монастыря 1593 г. (далее – Опись 1593 г.).

В частности, наиболее явным выражением репрезентации почитания святого в какой-либо обители является наличие в ней посвященного ему храма. Из Описи 1593 г. мы узнаем, что при монастырском соборе существовал придел Димитрия Прилуцкого [7, с. 31].

Опись 1593 г. позволяет определить, где и какие иконы св. Димитрия находились в Прилуцком монастыре. Подобные иконы предполагают молитвенное обращение людей к изображенному на них святому и, значит, вполне определенно свидетельствуют о его почитании в месте их расположения. Согласно Описи 1593 г., иконы преп. Димитрия находились в большинстве храмов Спасо-Прилуцкого монастыря: в соборе Происхождения Честных Древ Креста Господня, двух его приделах, Введенской церкви и трапезной палате при ней, надвратной церкви Феодора Стратилата. Подобных икон не было тогда только в небольшой второстепенной «церкви под колоколы» Трех святителей [7, с. 28, 29, 30, 31, 35, 43, 44]. Следовательно, иконы Димитрия были размещены в наибольшем числе монастырских храмов. Эти иконы создавали как бы эффект постоянного присутствия «своего» святого в обители.

По Описи 1593 г., иконописные изображения св. Игнатия имелись в приделе Димитрия Прилуцкого и церкви Феодора Стратилата. Но, в отличие от ряда упомянутых икон преп. Димитрия, это были не единоличные образа. Св. Игнатий предстал на них лишь совместно с упомянутым основателем обители [7, с. 31, 44]. Следовательно, по своему статусу культ Игнатия намного уступал культу Димитрия. О том же говорит и отсутствие икон Игнатия в монастырском соборе.

Вместе с тем на обеих упомянутых иконах и в особенности на той, на которой Димитрий и Игнатий были изображены у ног Спаса, предельно наглядно выражена идея того, что эти преподобные мыслились как смолебники перед Богом.

Явным выражением репрезентации культов Димитрия и Игнатия являлось оформление их мест упокоения. В XVI в., как и в настоящее время, захоронения этих подвижников находились одно подле другого в подклете монастырского собора. Согласно Описи 1593 г., оформление могил преподобных представляло собой почти двуединый комплекс. Над местами захоронений того и другого святого находились некие гробы, то есть надгробия или гробницы, близ которых размещались иконы Спаса, Богоматери, самих прилуцких святых, светильники, а также некая риза, вероятно, приписывавшаяся св. Димитрию. Особо следует отметить икону, на которой оба святых были изображены как смолебники у ног Иисуса Христа. Таким образом, всякий богомолец, пришедший молиться к гробам чудотворцев, зримо представлял себе, как они ходатайствуют за него перед Богом. Опись 1593 г. свидетельствует о таких практиках почитания преподобных, как возжигание светильников у их гробниц, жертвование покровов на эти гробницы, вероятное почитание некоей ризы как реликвии, связанной со св. Димитрием [7, с. 32, 34–35].

До нас дошли приходо-расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг., которые раскрывают важные стороны повседневных практик почитания «своих» святых данной обители. В ней ежегодно праздновали два праздника св. Димитрия – 11 февраля и 3 июня. Первый отмечал день смерти святого, второй – день сретения его чудотворной иконы. Если первый утвердился еще в XV в., то начало празднования второго точно не установлено. Наиболее ранняя фиксация этого праздника содержится в одной из упомянутых приходо-расходных книг, датированной временем между 1574 и 1582 гг. [4, с. 277] Память св. Игнатия праздновалась в Прилуцком монастыре 19 мая. В тех же книгах между 1574 и 1582 гг. содержится самое раннее свидетельство о таком празднике в названной обители [4, с. 275].

Из приходо-расходных книг мы узнаем, что у гробов преподобных богомольцы жертвовали деньги, фигурирующие с определениями «прикладные» и «молебные» [4, с. 288, 290, 292, 294, 330, 338, 352, 357, 359]. Термин «прикладные» указывает на подношение денег гробницам

святых. «Молебные деньги» давались богомольцами в качестве оплаты за молебны, совершавшиеся клиром монастыря у этих гробниц.

Судя по приходо-расходным книгам, в Прилуцком монастыре существовал обычай на наиболее значимые церковные праздники покупать калачи [4, с. 272, 274, 276, 277, 280, 281, 284, 285, 287, 296], явно считавшиеся не повседневной, а праздничной пищей. Соответственно, калачи приобретались и на праздники своих святых Димитрия и Игнатия [4, с. 262, 275, 277].

Важным свидетельством почитания св. Димитрия являются сообщения приходо-расходных книг о написании его многочисленных, вероятно, небольших икон [4, с. 273, 274, 276, 280, 300, 306]. Они, надо полагать, предназначались для раздачи или продажи богомольцам, которые, очевидно, увозили их с собой, устанавливали в своих домах, церквях и монастырях, распространяя, таким образом, почитание преп. Димитрия за пределы обители, в которой покоились его останки.

Итак, в XV–XVI вв. в Спасо-Прилуцком монастыре сложился следующий комплекс практик почитания «своих» святых Димитрия и Игнатия: практика поклонения гробам, то есть надгробиям или гробницам этих преподобных (далее – гробницы); практика припадания и прикладывания к гробницам; практика оформления гробниц покровами; практика жертвования людьми подобных покровов; практика возжигания свечей и лампад у гробниц; практика установки близ гробниц икон с изображениями Бога, Богородицы и самих подвижников; практика жертвования богомольцами денег у гробниц; практика совершения молебнов по заказу богомольцев у гробниц; практика окропления освященной водой людей у гробницы св. Димитрия; практика целования его икон; практика почитания св. Димитрия как покровителя русских князей; практика почитания св. Димитрия как покровителя русского воинства; практика отправления двуединого культа преподобных Димитрия и Игнатия (далее – преподобные) как «смолебников» перед Богом; практика почитания преподобных как целителей больных; практика почитания преподобных как покровителей Спасо-Прилуцкой обители; практика почитания преподобных как покровителей Вологды; практика почитания преподобных как покровителей России; практика почитания преподобных как заступников за всех людей России; практика почитания преподобных как покровителей московских государей; практика

подачи более богатой, чем обычно, пищи для монахов Прилуцкого монастыря в праздники преподобных; практика размещения икон св. Димитрия в наибольшем числе храмов данного монастыря; практика написания по заказу монастыря многочисленных небольших икон св. Димитрия; практика распространения монастырем среди богомольцев икон св. Димитрия.

Проведенное исследование позволяет отчетливо представить то, что скрывалось за весьма расплывчатым выражением – почитание святых в XV–XVI вв. Выявленные практики рисуют нам многие стороны повседневной религиозной жизни в Спасо-Прилуцком монастыре того времени. Жизни, в которую были включены не только насельники монастыря, но и многочисленные мирские приверженцы культа упомянутых подвижников, включая и московских государей. Накопление сведений о подобных практиках других обителей позволит в будущем приблизиться к рассмотрению истории монашеской и, шире – русской религиозности XV–XVI вв.

Библиографический список

1. Анишина, А. П. Игнатий [Текст] / А. П. Анишина // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. – Т. 21. – С. 96–100.
2. Беловолова, Т. Н. (Украинская) Ранняя редакция Жития преподобного Димитрия Прилуцкого, вологодского чудотворца [Текст] / Т. Н. Беловолова (Украинская) // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб.: Наука, 1992. – Т. 45. – С. 255–256;
3. Благоверный князь Угличский в иноках Игнатий, иже на Прилуце Вологодский чудотворец [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1873. – № 28.
4. Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 г. [Текст] / под ред. А. Г. Манькова. – М.; Л.: Институт истории СССР, 1979. – Вып. 2.
5. Каган, М. Д., Прохоров, Г. М. Логгин [Текст] / М. Д. Каган, Г. М. Прохоров // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л.: Наука, 1989. – Вып. 2, ч. 2. – С. 69–71.
6. Ключевский, В. Древнерусские жития святых как исторический источник [Текст] / В. Ключевский. – М., 1871.
7. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. Исследования и тексты [Текст] / отв. ред. М. С. Черкасова. – Вологда: Древности Севера, – 2011.
8. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ) [Текст]. – СПб., 1904. – Т. 13. – 1-я пол.

9. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) [Текст] / сост. Г. Дьяченко. – М.: Отчий дом, 2006.
10. ПСРЛ [Текст]. – М.: Языки славянских культур, 2005. – Т. 20.
11. ПСРЛ [Текст]. – СПб., 1906. – Т. 13. – 2-я пол.
12. Российская государственная библиотека (далее – РГБ). Ф. 304. I. № 617. Л. 97 об. – 115 об.
13. РГБ. Ф. 304. I. № 628. Л. 165–189.
14. РГБ. Ф. 304. I. № 657. Л. 39–59.
15. Семячко, С. А. Димитрий [Текст] / С. А. Семячко // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. – Т. 15. – С. 33–34.
16. Семячко, С. А. Из истории вологодской агиографии (жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского) [Текст] / С. А. Семячко // Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского. Тексты и словоуказатель / под ред. А. С. Герда. – СПб.: СПб. университет, 2003. – С. 11–27.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 2006. – Вып. 27.
18. Украинская, Т. Н. Житие Димитрия Прилуцкого – памятник вологодской агиографии [Текст] / Т. Н. Украинская // Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. – Л.: Наука, 1990. – С. 7–53.
4. Votchinnye hozjajstvennye knigi XVI v. Prihodnye, rashodnye i okladnye knigi Spaso-Priluckogo monastyrja 1574–1600 g. [Tekst] / pod red. A. G. Man'kova. – M.; L.: Institut istorii SSSR, 1979. – Vyp. 2.
5. Kagan, M. D., Prohorov, G. M. Loggin [Tekst] / M. D. Kagan, G. M. Prohorov // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. – L.: Nauka, 1989. – Vyp. 2, ch. 2. – S. 69–71.
6. Kljucevskij, V. Drevnerusskie zhitija svjatyh kak istoricheskij istochnik [Tekst] / V. Kljucevskij. – M., 1871.
7. Perepisnye knigi vologodskih monastyrej XVI–XVIII vv. Issledovanija i teksty [Tekst] / otv. red. M. S. Cherkasova. – Vologda: Drevnosti Severa, – 2011.
8. Polnoe sobranie russkikh letopisej (dalee – PSRL) [Tekst]. – SPb., 1904. – Т. 13. – 1-ja pol.
9. Polnyj cerkovno-slavljanskij slovar' (so vneseniem v nego vazhnejshih drevnerusskikh slov i vyrazhenij) [Tekst] / sost. G. D'jachenko. – M.: Otchij dom, 2006.
10. PSRL [Tekst]. – М.: Языки славянских культур, 2005. – Т. 20.
11. PSRL [Tekst]. – SPb., 1906. – Т. 13. – 2-ja pol.
12. Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka (dalee – RGB). F. 304. I. № 617. L. 97 об. – 115 об.
13. RGB. F. 304. I. № 628. L. 165–189.
14. RGB. F. 304. I. № 657. L. 39–59.
15. Semjachko, S. A. Dimitrij [Tekst] / S. A. Semjachko // Pravoslavnaja jenciklopedija. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. – Т. 15. – С. 33–34.
16. Semjachko, S. A. Iz istorii vologodskoj agiografii (zhitija Dimitrija Priluckogo, Dionisija Glushickogo i Grigorija Pel'shemskogo) [Tekst] / S. A. Semjachko // Zhitija Dimitrija Priluckogo, Dionisija Glushickogo i Grigorija Pel'shemskogo. Teksty i slovoukazatel' / pod red. A. S. Gerda. – SPb.: SPb. universitet, 2003. – С. 11–27.
17. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. – М.: Наука, 2006. – Вып. 27.
18. Украинская, Т. Н. Житие Димитрия Прилуцкого – памятник вологодской агиографии [Текст] / Т. Н. Украинская // Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. – Л.: Наука, 1990. – С. 7–53.

Bibliograficheskij spisok

1. Anishina, A. P. Ignatij [Tekst] / A. P. Anishina // Pravoslavnaja jenciklopedija. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. – Т. 21. – С. 96–100.
2. Belovolova, T. N. (Ukrainskaja) Rannjaja redakcija Zhitija prepodobnogo Dimitrija Priluckogo, vologodskogo chudotvorca [Tekst] / T. N. Belovolova (Ukrainskaja) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – SPb.: Nauka, 1992. – Т. 45. – С. 255–256;
3. Blagovernij knjaz' Uglichskij v inokah Ignatij, izhe na Priluce Vologodskij chudotvorec [Tekst] // Jaroslavskie eparhial'nye vedomosti. Ch. neofic. 1873. – № 28.